

Лебедев встретил меня, как родного. Мы близко познакомились и я нашел в нем не только необыкновенное благородство души, но и какую то редкую скромность, которая бывает иногда характерной для людей, стоящих выше ординара. Профессор Петербургского Горного Института, лектор нашего Института в течение 13-ти лет, профессор Белградского Университета в течение 25-ти лет, и Кавалер Французской Академии он редко упоминал о своей работе в прошлом и о своих заслугах перед наукой. Интересуясь всем, что так или иначе касалось Института, Алексей Александрович, напрягая память, рассказывал о своих встречах и беседах в стенах Института.

Мы здесь часто объединяемся, вспоминая наше прошлое и молодые годы, связанные с Институтом. Наши коллеги не забывают нас. Карточка, полученная нашей ячейкой из Парижа, со многими подписями на ней, связанная с днем 2-го октября, нас глубоко тронула.

Из этих моих встреч с дорогими мне коллегами, в которых я ни разу не встречал ни тени холодности и равнодушия, можно сделать лишь тот вывод, что мы, питомцы Института, храним где-то в глубине души, часто не сознаваемое нами чувство солидарности. Среди забот и тревог нашей повседневности это чувство спит, но оживает всякий раз, когда происходят наши встречи. То богатство, которое дал нам Институт, объединяет нас и создает то общее, что нас роднит.

И этот очерк написан с тем же чувством дружбы, которое живет в нас, и отмечая и вспоминая это, невольно впадаешь в лирику.

Жизнь многих из нас подходит уже к концу; прошли годы насыщенные борьбой, совершенно иная обстановка, чем в России, окружает нас, но мы остались «политехниками», сохраняя и чувство дружбы и любовь к родному Институту.

Сентябрь 1957 г.

Чили.

Евгений Вечерин

МОЯ ПОЕЗДКА В ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ в сентябре 1957 года

«Брызжет, брызжет мелкий дождичек»...

Ветер срывает желтые листья деревьев.

На душе ноет музыка «Осенней Песни» Чайковского.

Еду навстречу осуществлению давно лелеянной мечты. Но почему же все больше мною овладевает какая-то грусть?..

Переживали ли Вы это чувство разочарования, когда после полувекового перерыва приходится видеть места детских и юношеских лет, оставивших яркий след в памяти?

Все оказывается как-то не так, не то, совсем другое, серое, чужое...

Куда же меня несет? зачем? на что?

Хочу еще раз повидать белые стены нашего родного Института, хочу походить по его бесконечным корридорам, хочу опять почувствовать себя молодым студентом...

Надумал получить там материалы по истории его за прошедшие 55 лет, чтобы ими освежить и заполнить задуманное «Добавление» к Юбилейному Сборнику 1952-го года. Память большинства сверстников слабеет и трудно уже вызвать к жизни пережитые чудесные дни. Нужны факты, имена, даты, а где их получить в точности, как не у первоисточника?

Вот и решился на отчаянный шаг, а сам волнуюсь и неуверен, что я там найду, как примут...

Из Европейской Гостиницы на улице Бродского (бывшая Михайловская) «Интуристский» автомобиль везет меня через Дворцовый Мост. На мой удивленный вопрос — почему не через Литейный и Сампсониевский Проспект, мне указывают, что та дорога вся перестраивается и по ней движение затруднено.

Проезжая Дворцовую Площадь, невольно залюбовался необычайной перспективой от Главного Штаба через Адмиралтейство к Исаакиевскому Собору. Но больше всего поражаюсь красотой Зимнего Дворца.

В наше время он весь был красновато-коричневого цвета. Теперь он оливково-зеленый с белым. Так, будто, его построил Растрелли, и его привели в первоначальный вид. Теперь видна типичная архитектура — барокко. На зеленом фоне отчетливо выступают белые колоннады, узорчатые белые рамы окон, белый карниз. Получается нечто нам непривычное, но при повторном видении очень интересное. Снятая решетка открывает раньше скрытый нарядный узор Зимнего Дворца с зеленым садом перед ним.

А какой вид открывается с Дворцового Моста!

Широкая красавица Нева с панорамой другого берега от Васильевского Острова с Университетской Набережной, Виржей и Ростральными колоннами, дальше Петербургская Сторона с Петропавловской Крепостью и Собором. Нет во всем мире такой грандиозной панорамы с таким единством архитектурного облика!

Путь наш в Институт идет через Каменоостровский Проспект, Крестовский Остров, Ланское Шоссе... Направо и налево от шоссе в ровном чистом поле два кладбища без ограды, без могил, без крестов, где в общей братской могиле покоятся до пол-миллиона жертв осады Ленинграда, погибших от голода и холода во время страшной зимы 1941—1942 годов...

Дальше въезжаем на Муринский Проспект. Тут уже повеяло родным, но... все неузнаваемо. От знаменитого «Круглого Пруда» не осталось и следа, он весь засыпан.

По всей последней части пути все усиленно застраивается и растет новый город. Дорога разворочена, расширяется, по ней прокладываются канализационные трубы и кабели. К Институту идут трамваи №№ 9, 18, 23, 26 и 32, и автобусы 41, 47.

Только проехав здание Профессорского Общежития, в лесу как и прежде, — становится ясно, что подъезжаем к Институту. Сразу же выросло громадное Главное Здание. Въезд в те же ворота как и раньше.

Но если в памяти все тут было широко и раздольно, теперь все кажется сжатым, тесным.

Так же маячит водонапорная башня в лесу, дальше — Химический Павильон.

Новостью для меня была прелестная часовенка в старорусском стиле, стоящая за главным зданием.

Меня предупредили, что Канцелярия помещается в 1-ом Общежитии. На крыше его правого флигеля поднимается какая-то странная вышка, идущая от воздушного туннеля аэродинамической лаборатории. Ищу перед подъездом теннисные площадки, на которых мы сражались, но, увы, вместо них какой-то жидкий сквер!

Входят и выходят люди. Все чужие, какие-то серые, но жизнь кипит... Наше 1-ое Общежитие все перекроено внутри: перегородки между комнатами сняты и устроены большие канцелярии. На дверях, на стенах множество надписей с указаниями. В приемной толпится народ...

О своем желании посетить Институт сообщил Ректору по телефону. Он меня пригласил приехать в то же утро. В Институте были, видимо, предупреждены о приезде «инженера из Парижа», т. к. я сразу был введен в громадный кабинет Ректора, где восседали, ожидая меня, кроме него, Декан Электро-механического факультета, Ученый Секретарь Совета и профессора, заменившие М. А. Шателена и В. Ф. Миткевича и занявшие их кафедры.

Интересуются нашим Объединением, знакомятся с Юбилейным Сборником. У них нет организации окончивших.

На мою просьбу о материалах по истории Института за прошедшие пол-века высказывают сожаление, что все печатаемое без остатка расходуется в 2—3 недели и потому познаться с этим можно только в библиотеке. Все же обещают переговорить с главным библиотекарем о возможности уступки нам дубликатов.

И велика же была моя радость, когда на следующий день Ректор сообщил мне, что удалось «выцарапать» интересные нас томы и наградил меня целой кипой ценнейших для нас изданий.

Вот когда сразу в мыслях удвоилось наше уже подготовленное «Дополнение». Только было хватило времени и средств использовать все полученное!

В Институте сейчас обучаются 11 000 студентов. Курс 5½ лет. Факультетов восемь:

- 1) Электро-механический,
- 2) Гидротехнический,
- 3) Энерго-машиностроительный,
- 4) Механико-машиностроительный,
- 5) Физико-механический,
- 6) Металлургический,
- 7) Радио-технический,
- 8) Инженерно-экономический.

Кроме того большое внимание уделено вечернему факультету с 6-ти летним курсом, 4 дня в неделю вечером, для рабочих, мастеровых, техников, не имеющих высшего образования.

87% студентов получают стипендии. За переходный балл в среднем тройка (по 5-ти балльной системе) стипендии не полагается, за исключением нуждающихся.

При академических успехах выше тройки студенты автоматически получают стипендии в размере 290 рублей в месяц на первом курсе и до 450 рублей на старших курсах.

На 300 рублей в месяц студент может жить, при чем за комнату с бельем и стиркой платит 15 рублей в месяц, в об-

щежитиях, рассчитанных на 6000 человек, и частью уже построенных.

На электро-механическом факультете имеется 1900 студентов. В этом году прием студентов на него сокращен до 250—300 человек. Норма ежегодного приема студентов на отдельные факультеты регулируется в зависимости от требований промышленности. Все окончившие Институт заранее обеспечены местами на заводах согласно способностям и наклонностям, показанным во время прохождения курсов. Электро-механический факультет считается лучшим в Институте и по конкурсным экзаменам требуется 28—30 баллов за 6 экзаменационных предметов.

После общего собеседования в кабинете Ректора, профессором моего электро-механического факультета мне показали чертежные и лаборатории. Чертежные все там же наверху, где мы в свое время дневали и ночевали.

Лаборатории в главном здании, ими занят весь подвал, при нас не использованный.

Знакомясь детально с работами студентов в лабораториях переменного тока, я убедился в значительно расширенной программе по сравнению с нашим временем. Задачи настолько интересные, что я с удовольствием опять поступил бы в Институт, чтобы все их проделать!

Имя нашего Декана Михаила Андреевича Шателена, скончавшегося в этом году 92-х лет, читается у всех чрезвычайно высоко. Он был верным носителем традиций и считался самым большим патриотом Института. Свою огромную библиотеку Михаил Андреевич завещал электро-механическому факультету, и при мне ее разбирали и классифицировали.

Спрашивал об однокашниках, оставленных при Институте, — А. А. Гореве, Н. Н. Меншуткине, Н. Н. Циклинском, А. А. Чернышewe, М. В. Шулейкине . . .

Пытался найти след друзей как А. А. Котомина и других. Всех там помнят, но, — увы, никого, никого не осталось, все, все умерли.

И припомнилась мне надпись на средневековой стене старинного города:

«Вернулся я к месту своего рождения
и искал товарищей детских игр моих,
но сколько ни спрашивал всех встречных где они?—
одно только эхо отвечало мне
... где они?!..»

После детального осмотра электро-механического отделения Ученый секретарь Совета водил меня по Главному Зданию. Всюду на стенах плакаты и объявления о курсах. Аудитории посвящены именам наших профессоров, всем нам, старикам, известным: В. В. Скобельцына, В. М. Кирпичева, Мещерского, Левинсон-Лессинга, Меншуткина, Иванова, Миткевича, Шателена. Все это имена, касающиеся технических отделений.

Не было времени обойти другие факультеты. Они размещены в старых общежитиях, всем им тесно. Для них и для устраиваемых новых лабораторий кругом строятся помещения. Институт разрастается во всех направлениях.

Не видно следов экономистов. Также ничего не осталось от Кораблестроительного Отделения — оно выделено в специальный Кораблестроительный Институт, помещающийся на Логманской улице № 3. А Экономическое Отделение перешло в Финансово-Экономический Институт, Канал Грибоедова № 30/32 (бывший Екатерининский Канал).

Актный зал Института все так же импозантен, такой же нарядный, белый, те же люстры. В конце его стоит все тот же подиум, на котором восседал в наше время президиум сходов и откуда мы обращались к наполнявшей зал студенческой массе. Родные места, где когда-то сражались мы.

«Бойцы поминают минувшие дни,
и битвы, где вместе рубились они...»

Хоры актового зала отведены под электро-технический музей и там все заставлено приборами и машинами.

Библиотека разрослась — в ней теперь, будто бы, больше 2-х миллионов томов, она в трех этажах, соединенных подъемником. По середине читального зала большая прекрасная бронзовая статуя сидящего Л. Н. Толстого.

В момент моего посещения студентов было видно не так много, т. к. были открыты только первые два курса. Старшие — на сельскохозяйственных работах по уборке урожая и их занятия начнутся 1-го октября.

Мое паломничество началось в 11 часов утра и кончилось, без перерыва, в 5^{1/2} часов дня. Большого трудно было требовать и я уехал удовлетворенный, осуществив многолетнее желание.

Сейчас, когда все в прошлом, с трудом верится, что это действительно было наяву, а не сон мимолетный! Но полученные драгоценные материалы, столь нужные для нашего нового Сборника, наполняют меня радостью и подтверждают реальность пережитого.